

**Лукреций Кар Тит**

# **О природе вещей**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
К21

К21      **Кар Тит Л.**  
О природе вещей / Лукреций Кар Тит – М.: Книга по Требованию, 2025. – 260 с.

**ISBN 978-5-519-94088-7**

**ISBN 978-5-519-94088-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2025  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду замѣчательнѣйшихъ обломковъ классической древности человечество унаслѣдовало ученіе Эпикура. Какъ и всякое другое крупное проявленіе духа, этотъ драгоцѣнный камень мысли отразилъ въ своихъ граняхъ не только основныя черты современной ему эпохи, но и нѣкоторые образы и понятія, скрытые въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ сознанія, не зависимо отъ мѣста и времени. Вотъ почему наука, тщательно собравъ отовсюду остатки Эпикурова ученія, должна принять одну его часть какъ неизблемую истину, другую же часть признать неудавшейся, но все же гениальной и чреватой благодатными послѣдствіями попыткой проникнуть въ черную тайну бытія.

Было бы ошибочно непосредственно связывать новѣйшія завоеванія науки съ древне-греческимъ атомизмомъ и предполагать, что Эпикуровы *συντμήματα* или Лукреціевы *primordia* имѣютъ почему-то болѣе близкое отношеніе къ клѣточкѣ Дарвина, чѣмъ напр. къ монадамъ Лейбница. Разумѣется, результаты современнаго знанія добыты не благодаря Эпикуру, а благодаря микроскопу и точному наблюденію, и если бы Бэконъ формулировкой индуктивнаго метода не раздвинулъ горизонтовъ человѣческой мысли, то ни Эпикуръ ни другіе философы древности не могли бы вдохновить къ новѣйшимъ открытіямъ въ области естествознанія. Попытка ввести древнюю атомистическую доктрину какъ звено въ ряду послѣдовательныхъ завоеваній науки едва ли будетъ успѣшной. Не провѣренная опытными данными, основанная исключительно на остроумной, но мало доказательной спекуляціи, эта доктрина въ цѣломъ никогда не возвышалась до значенія точной истины, а всегда представляла великолѣпную гипотезу, слишкомъ шаткую для того, чтобъ на ней что-либо построить. Зато древній атомизмъ имѣетъ первостепенное, исключительное пропедевтическое значеніе. Прежде чѣмъ начать свое побѣдоносное дви-

женіе опытная наука должна была очистить пути въ человѣческихъ умахъ, должна была, если не уничтожить, то смягчить въ нихъ косность и склонность къ суевѣрію. Такая задача выпала на долю Эпикура. Блестящимъ и безповоротнымъ разрѣшеніемъ ея онъ завоевалъ себѣ мѣсто среди сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ борцовъ просвѣщенія. Если ученіе его было поверхностно въ смыслѣ содержанія и несовершенно въ смыслѣ научнаго метода, то оно открывало людямъ свободу критики и давало рѣшимость заглядывать въ тѣ тайны природы, куда, казалось, не было доступа человѣческой мысли. вмѣстѣ съ сумбуромъ древняго атомизма, вмѣстѣ съ введеніемъ въ науку чувственнаго воспріятія какъ единственнаго достовѣрнаго мѣрила истины античному міровоззрѣнію открывался небывалый просторъ. Сухая догматика смѣнивалась живымъ обсужденіемъ реальной дѣйствительности. Характерный анекдотъ мы находимъ у Секста Эмпирика. Во дни юности Эпикура нѣкій грамматикъ или толкователь словъ прочелъ въ его присутствіи слова Гезіода: „Прежде всѣхъ вещей былъ созданъ Хаосъ“. Эпикуръ спросилъ грамматика, откуда могъ взяться Хаосъ прежде всѣхъ вещей. „Это не мое дѣло“, отвѣчалъ послѣдній, „это дѣло философовъ“.—Тогда я пойду къ философамъ,—рѣшительно сказала Эпикуръ,—такъ какъ они одни знаютъ истину. То, что случилось съ Эпикуромъ, должно было случиться со всѣмъ человѣчествомъ. Оно отвернулось отъ тѣхъ, которые старались прикрыть свое невѣжество перетасовкою словъ и понятій, и повѣрило тому, кто давалъ наиболѣе ясное, правдоподобное объясненіе.

Собственно атомистическая теорія была разработана Демокритомъ и Левкиппомъ, идея же этики основанной на чувственномъ наслажденіи всецѣло заимствованна у Аристиппа. Заслуга Эпикура въ томъ, что онъ сумѣлъ направить гипотезы своихъ предшественниковъ къ самымъ чувствительнымъ центрамъ человѣческаго сознанія, сумѣлъ накрѣпко связать свою доктрину съ самыми существенными и животрепещущими запросами духа въ человѣкѣ всѣхъ странъ и вѣковъ.

Эпоха Македонскаго владычества въ Греціи менѣе всего была пригодна для возникновенія крупныхъ философскихъ системъ. Времена возвышенной діалектики Платона и гражданскихъ идеаловъ Фемистокла и Перикла миновали, и греки, утомленные домашними распрями, постояннымъ политическимъ неустройствомъ тяготились своею независимостью и прошлымъ величіемъ. Тотъ, кто звалъ къ борьбѣ, къ дѣятельности, къ идеаламъ, не имѣлъ успѣха,—могучее краснорѣчіе Демосфена только на короткое время возбуждало послѣднія вспышки эллинскаго свѣта;—симпатіи были скорѣе на сторонѣ того, кто предлагалъ выходъ изъ спутаннаго

положенія и сулилъ успокоеніе. Примѣняясь къ такому настроенію, философія приняла соотвѣтствующее направленіе.

Въ исходѣ четвертаго столѣтія до Р. Х. мы застаемъ въ Аѳинахъ четыре главныя философскія школы: академію, развивавшую разныя начала предыдущей эпохи и не имѣвшую опредѣленной фізіономіи, школу пиррониковъ или скептиковъ, портикъ или школу стоиковъ и наконецъ школу Эпикура. Послѣднія двѣ не были философскими школами въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ чистое умозрѣніе и самостоятельная выработка міровой системы не входили въ кругъ ихъ прямыхъ задачъ. Ихъ можно было скорѣе назвать школами житейской мудрости, имѣвшими главной цѣлью разсмотрѣніе нравственныхъ вопросовъ. Въ періодъ упадка, когда общество менѣе всего склонно къ чистому знанію и къ занятіямъ высшими вопросами бытія, такое низведеніе философіи къ утилитарнымъ цѣлямъ было кстати, а потому обѣ школы пользовались наибольшимъ вліяніемъ. Особенно широко распространилось Эпикурово ученіе. Общедоступность его основоположеній, простота и ясность конструкціи, возможность суммировать главные выводы въ одномъ словѣ „счастіе“, снисходительность требованій, прямолинейность каноники (ученія о познаваніи), полагавшей главное мѣрило истины въ чувственномъ воспріятіи—все это завлекательно дѣйствовало на воображеніе и содѣйствовало широкому распространенію ученія далеко за предѣлами Греціи.

Эпикуръ изложилъ свои воззрѣнія въ огромномъ количествѣ сочиненій, часть которыхъ перечислена въ 10-й книгѣ Діогена Лаэртійскаго, и которыя распадались на три большихъ отдѣла: *Канонику* или ученіе объ источникахъ познанія и мѣрилахъ достовѣрности, *Физику* или ученіе о происхожденіи и устройствѣ міра и *Этику* или ученіе о нравственности. Всѣ эти сочиненія до насъ не дошли. Три письма и нѣсколько изреченій, приводимыхъ у Діогена Лаэртійскаго и неразобранный еще вполне Геркуланскій отрывокъ изъ трактата *περί φυσῆος*—вотъ все, что сохранилось въ подлинникѣ отъ Эпикура, и его философія возстановляется главнымъ образомъ изъ сочиненій Лукреція, Цицерона, Плутарха и Секста Эмпирика.

Займствованное у Демокрита атомистическое ученіе сводится приблизительно къ слѣдующему. Міръ, познаваемый нами путемъ чувствъ и исходящихъ изъ нихъ представлений, состоитъ изъ двухъ сущностей: изъ безконечно малыхъ, безусловно плотныхъ и твердыхъ, безцвѣтныхъ и недѣлимыхъ атомовъ и пустоты. Въ силу своего тяготѣнія *книзу* и взаимныхъ столкновеній, безконечное количество атомовъ, въ ограниченномъ однако количествѣ формъ, вѣчно безцѣльно и безсознательно носилось въ безконечной пустотѣ міроваго пространства. Испытавъ на себѣ множество

вліяній и перепробовавъ въ своемъ вѣчномъ движеніи несмѣтное количество сочетаній, атомы совершенно случайно стали въ такое положеніе, что должны были образовать міръ помимо воли какихъ-либо сверхъестественныхъ существъ — боговъ. вмѣстѣ съ образованіемъ міра въ немъ установились его свойства и законѣрные движенія, которыми обусловлены всѣ явленія природы. Если, такимъ образомъ, вся природа управляется на основаніи неизмѣнныхъ законовъ рожденія, роста и смерти, то и человѣкъ, какъ часть этой природы, подлежитъ тѣмъ же законамъ. Нѣтъ никакого основанія допускать по отношенію къ людямъ вмѣшательства божественной силы или допускать изъятіе въ томъ смыслѣ, что душа ихъ бессмертна. Духъ, пребывающій въ сердцѣ, и душа, разлитая по всему тѣлу, состоятъ изъ такой же плоти какъ и тѣло, а потому подлежатъ послѣ смерти разложенію на составныя частицы. Въ сознаніи и принятіи этой истины коренится залогъ земного благополучія—отсутствіе страха предъ смертію, такъ какъ смерть есть отрицаніе всякаго ощущенія (*στέρησις ὅτιν αὐθιγέως ὁ θάνατος* Diog. Laert. X, 124). Внѣ боязни какихъ-либо загробныхъ мукъ, внѣ страха, чтобы какое нибудь враждебное божество не вмѣшалось въ судьбу, человѣкъ долженъ достигать высшей и единственной цѣли своего существованія—счастья, или точнѣе того состоянія, которое у Эпикура отмѣчено непереводимымъ на русскій языкъ словомъ *ἡδονή*.

Все зло эпикуризма, всѣ безчисленные нападки на него вытекаютъ изъ растяжимости понятія о наслажденіи, о счастьи какъ верховной цѣли существованія. Счастіе—понятіе безъ рѣзкихъ очертаній, безъ контуровъ. Оно—какъ дымъ, какъ морскія волны. Сколько волнъ—столько очертаній, сколько людей—столько и отдѣльныхъ понятій о счастьи. Вотъ почему въ теченіи всей исторіи подъ понятіе эпикуризма подводилось все, что угодно; вотъ почему эпикуризмъ уже на зарѣ своего существованія по свидѣтельству Діогена Лаэртійскаго наравнѣ съ боготвореніемъ вызывалъ фанатическую ненависть и клеветы. Такая ненависть росла въ теченіи вѣковъ вплоть до Монтеस्कѣ, потратившаго столько прекраснаго и напраснаго краснорѣчія на доказательство того, что главной причиной упадка римлянъ было Эпикурово ученіе. На самомъ дѣлѣ идеалъ, къ которому Эпикуръ влечетъ людей, рѣзко и опредѣленно очерченъ. Его *ἡδονή* есть состояніе, въ которомъ человѣкъ не ощущаетъ физической и душевной боли, состояніе покоя, обусловленное гармоніей физическихъ и душевныхъ силъ, причѣмъ наслажденія душевныя выше и дѣйствительнѣй, чѣмъ наслажденія плоти (Diog. Laert. X. 137). У существъ совершенныхъ это состояніе достигаетъ высшаго предѣла (*ἀταραξία*), человѣкъ же, под-

верженный всевозможнымъ житейскимъ вліяніямъ можетъ только приближаться къ такому идеалу. Наслажденіе должно быть чувственнымъ, такъ какъ внѣ чувства нѣтъ дѣйствительности, но это не значитъ, чтобы всякое потворство чувственнымъ потребностямъ было наслажденіемъ. Счастье обусловлено всею суммою воспринятыхъ наслажденій, а потому излишества жизни и страсти, могущія вызвать страданіе, не должны допускаться съ точки зрѣнія Эпикура. Скорѣй должно допустить извѣстную долю страданія съ цѣлью достигнуть въ будущемъ наслажденія. Лукрецій въ удивительныхъ стихахъ излагаетъ программу Эпикурова счастья.

. . . . . nonne videre  
Nil aliud sibi naturam latrare, nisi ut, cui  
Corpore seiunctus dolor absit, menti fruatur  
Jucundo sensu, cura semotu' metuque? et cet.

(Lucr. II, 16).

Изъ такого понятія о наслажденіи вытекаетъ отношеніе Эпикура къ религіи, къ наукѣ, къ нравственности и къ взаимной связи между людьми. Боги существуютъ несомнѣнно, иначе откуда бы въ умѣ людей могли возникнуть тѣ образы боговъ, которые являются иногда во снѣ. Но эти боги не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ нашему міру. Чуждые горя и заботъ, равнодушные къ добру и злу они живутъ гдѣ-то \*) внѣ міра, какъ идеалы высшаго блаженства. Они не могутъ причинить вреда или принести счастья, но какъ образцы того, къ чему должно стремиться, они заслуживаютъ почтенія.

Человѣкъ долженъ знать то, что его окружаетъ, для того, чтобы избѣгать зла и не стать жертвой напрасныхъ страховъ. Созерцая разныя явленія природы и особенно небесныя явленія, люди за неимѣніемъ другихъ объясненій склонны приписывать ихъ дѣйствію сверхъестественныхъ силъ. Надо изучать природу постольку, чтобы увѣриться въ естественности всѣхъ окружающихъ явленій и въ отсутствіи враждебнаго произвола боговъ, иначе въ жизни, полной страховъ и тревогъ, нельзя обезпечить себя безмятежныхъ наслажденій. Безъ такой цѣли знаніе, наука не имѣютъ цѣны. Знаніе не должно быть слишкомъ глубоко и подробно. Излишнія разсужденія способны скорѣе смутить духъ. Достаточно, чтобы человѣкъ дошелъ до сознанія, что изслѣдуемое явленіе можетъ возникнуть отъ какой-либо естественной причины, а отъ какой именно—это не важно.

\*) Цицеронъ старается ближе опредѣлить мѣстопребываніе боговъ: *tanquam inter duos lucos sic inter duos mundos*. De divin. II. 17. 40.

Для того, чтобы пользоваться дарами жизни, человекъ долженъ быть добръ и благожелателенъ, иначе его блаженство будетъ отравлено боязнью противоѣдствія со стороны другихъ людей. Зависть къ богатству и высокой власти—опаснѣйшій врагъ человека, а потому безуменъ тотъ, кто стремится стяжать и властвовать. Пять сократическихъ добродѣтелей—мудрость, справедливость, умѣренность, храбрость и благочестіе—не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны, но какъ единственный, надежный путь къ счастью, онѣ обязательны для эпикурейца. Человекъ находитъ блаженство въ себѣ самомъ независимо отъ его отношенія къ другимъ, но такъ какъ онъ призванъ жить въ обществѣ, то и при такихъ условіяхъ онъ можетъ добыть радости особаго свойства, высшимъ выраженіемъ которыхъ является дружба. Понятіе о дружбѣ съ обаятельною силою изложено въ X-ой книгѣ у Діогена Лаэртійскаго. Человекъ долженъ раздѣлять со своими друзьями имущество, радость и горе. Въ случаѣ нужды онъ долженъ пострадать за друга и даже принять за него смерть, такъ какъ оказывать благодѣянія гораздо пріятнѣе, чѣмъ ихъ получать. Историкъ Давидъ Штраусъ, пересматривая античныя ученія поскольку они подготовили распространеніе христіанской идеи, находитъ, что мягкая, благодушная и снисходительная къ человѣческимъ слабостямъ мораль эпикурейцевъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ суровая, непреклонная, не знающая пощады добродѣтель стоиковъ.

Понятію права Эпикуръ не придавалъ значенія. Онъ признавалъ только законы, установленные соглашеніемъ людей и обязательные для всякаго, кто не желаетъ испытать на себѣ кары. Пассивное повиновеніе должно предпочитаться власти. Несправедливость сама по себѣ не представляетъ ничего худого, но сопряженная съ дурными послѣдствіями, наказаніемъ и угрызеніемъ совѣсти, она не одобряется. Эпикуръ рекомендовалъ равнодушіе къ популярности и къ участию въ дѣлахъ государства и въ этомъ отчасти сходилъ со стоиками. Извѣстны слова Сенеки: *Nunquam volui populo placere. Nam quae ego scio non probat populus, quae probat populus ego nescio.* Epist. 29, 9.

Въ общемъ жизнь должна быть благопристойна и умѣрена, такъ какъ даже на одномъ хлѣбѣ и водѣ можно пользоваться благополучіемъ. Diog. Laert. X, 11.

Таково въ краткихъ словахъ ученіе Эпикура. Въ исторіи развитія народовъ ему принадлежитъ неоспариваемое нѣкѣмъ, первостепенное значеніе. Властными, рѣзко опредѣленными тезисами оно очистило міросозерцаніе языческихъ народовъ отъ суевѣрій, не дававшихъ мысли простора, а душѣ отдохновенія, а при своемъ возрожденіи легло въ основу

главенствующаго въ наши дни позитивизма. Въ эпохи глубокаго упадка и народныхъ бѣдствій оно ободряло человѣчество, устанавливая истинную цѣну жизни, давая невысокій, положимъ, ясный и но отчетливый идеаль спасенія и предлагая людямъ вмѣсто мистическаго безсмертія, безсмертіе реальное на лонѣ вселенной, по законамъ вѣчной, неизблемой и неистребимой матеріи.

Эпоха, предшествовавшая въ Римѣ единовластію Августа, отчасти повторяетъ время Македонскаго завоеванія въ Греціи. Столѣтняя революція, начавшаяся съ Гракховъ, прошедшая чрезъ ужасы Марія и Суллы и завершившаяся трагическою смертію Цезаря, характеризуется глубокимъ упадкомъ нравовъ и охлажденіемъ къ высокимъ гражданскимъ идеаламъ древности. Подъ вліяніемъ распрей, кроваваго произвола партій и полнаго смѣшенія этическихъ понятій, римская республика неудержимо стремилась къ абсолютизму цезарей, какъ къ единственному выходу изъ запутаннаго положенія. Главное различіе между міровоззрѣніями обѣихъ сравниваемыхъ эпохъ коренилось въ свойствахъ римскаго племени. Исключительно практическое направленіе умовъ въ Римѣ, способствовавшее завоеванію міра и точной формулировкѣ вопросовъ быта, было рѣшительно чуждо чистому умозрѣнію и стремленію опредѣлить свое отношеніе къ сверхчувственной сторонѣ жизни. Римъ не имѣлъ ни собственнаго эпоса, ни коренной національной религіи и втеченіи всей своей многолѣтней исторіи не создалъ ни одного самостоятельнаго философа. Религіи всего міра стекались сюда вмѣстѣ съ обрывками греческой философіи, въ безпорядкѣ усваивались здѣсь и осѣдали, принимая специфическую практическую окраску. Такое положеніе вещей открывало широкій путь самому химерическому суевѣрію, противъ котораго въ годы народныхъ бѣдствій бываютъ безсильны доводы философіи. Общество, не находя ни защиты своей личной безопасности, ни отвѣта на внутренніе запросы духа, кидалось въ объятія чужеземныхъ мультовъ. „Римляне сбились съ толку, говорить Моммзенъ, не только въ томъ, что касалось ихъ старинной религіи, но и въ томъ, что касалось ихъ самихъ; страшныя потрясенія, которыя пришлось переживать во время пятидесятилѣтней революціи, и инстинктивное сознаніе, что междоусобная война еще далеко не кончена, усиливали тревожное и мрачное настроеніе духа народной толпы. Блуждавшая въ тревогѣ человѣческая мысль взбиралась на всякую высоту и спускалась во всякую бездну, гдѣ могла найти новыя предохранительныя средства отъ угрожавшихъ опасностей, новыя надежды въ своей отчаянной борьбѣ съ велѣніями судьбы или, быть можетъ, только новыя причины заботъ. Уродливый мистичизмъ находилъ благопріятную для себя почву во всеобщемъ упадкѣ—политическомъ,

экономическомъ, и нравственномъ и религіозномъ и распространялся съ ужасною быстротою". (Рим. Ист. Русскій перев. изд., Солдатенкова. II, стр. 431).

Супротивъ такого страннаго направленія мысли ополчались обѣ философскія школы (стоиковъ и эпикурейцевъ), мало-по-малу проникшія сюда изъ Греціи. Во время Сципіона, Эмилиана и Граковъ преобладали стойки. Суровый догматизмъ портика съ требованіемъ борьбы и мужественной добродѣтели казался болѣе заманчивымъ и притомъ имѣлъ такихъ видныхъ представителей, какъ Гай Блоссій и Панэтіи, тогда какъ эпикуризму въ Италіи предшествовала дурная слава. У Плутарха сохранился рассказъ о томъ, что когда посолье Пирра Кинеасъ излагалъ передъ римлянами Эпикурово учение, то Фабрицій насмѣшливо воскликнулъ: „Да ниспошлютъ боги, чтобъ Пирръ и самниты руководствовались такими воззрѣніями, пока они ведутъ съ нами войну!“ Но съ приближеніемъ къ вѣку Августа перевѣсъ мало-по-малу переходилъ на сторону эпикурейцевъ. Доктрина личнаго благополучія, какъ цѣли жизни, сдѣлалась не только наиболѣе понятной, но и наиболѣе пригодной оправдать всякое эгоистическое побужденіе. Несмотря на то, что эпикуризмъ покоился на незыблемыхъ, безспорныхъ и неизмѣнныхъ правилахъ, напоминая скорѣе догму религіозной секты, чѣмъ эволюционирующую философскую систему, онъ болѣе другихъ ученій, насажденныхъ въ Италіи, подвергался искаженіямъ. Греческіе учителя частью изъ угодливости передъ своими знатными воспитанниками, частью въ видѣ уступки духу времени ловко подгоняли свое ученіе подъ разные вкусы и совершенно извращали его смыслъ. Пороки, стяжаніе, излишество, властолюбіе охотно рядились въ эластичныя одежды эпикуризма и Цицеронъ справедливо ополчался противъ такого рода злоупотребленій. (In Pisonem. 28).

Въ первой половинѣ перваго вѣка до Р. X. Эпикурово ученіе нашло своего истиннаго и строгаго толкователя въ лицѣ геніальнаго римскаго поэта Т. Лукреція Кара. Біографическія свѣдѣнія о немъ совершенно ничтожны. Извѣстно, что онъ родился въ 95 или 94 году до Р. X., принадлежалъ къ сословію всадниковъ и никогда не выступалъ на общественномъ поприщѣ, но крайней мѣрѣ въ замѣтныхъ должностяхъ. Всѣ остальные свѣдѣнія о Лукреціи,—о томъ, будто онъ принадлежалъ къ знаменитому роду древняго патріота Спурія Лукреція, будто онъ учился въ Греціи и вмѣстѣ съ Катулломъ сопровождалъ своего друга Меммія въ Визинію,—только предположительны и не имѣютъ подъ собою твердыхъ основаній. Въ третьемъ вѣкѣ по Р. X. о Лукреціи писалъ блаженный іеронимъ. Въ приложеніи къ хроникѣ Евсевія подъ годомъ 1924 отъ Авраама (т.е. приблизительно въ 94 году до христіанской эры) значится: Т. Луcre-

tius Carus poeta nascitur. Postea a maturio poculo in furorem versus cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset, quos postea Cicero emendavit; propria se manu interfecit anno aetatis XLIII. Первые христіанскіе писатели должны были относиться съ понятной враждой къ эпикурейскому матеріализму, а потому эти свѣдѣнія, передаваемыя къ тому же 300 лѣтъ спустя, не могутъ заслуживать полнаго довѣрія. Басня о томъ будто Лукрецій выпилъ какой-то любовный напитокъ, отъ котораго умеръ, ни на чемъ не основана, хотя Martha въ своей обстоятельной монографіи (*Le poëme de Lucrèce*) допускаетъ возможность такого факта, находя подтвержденіе свѣдѣній о любовныхъ увлеченіяхъ поэта въ страстныхъ и язвительныхъ нападкахъ на женщинъ въ концѣ четвертой книги поэмы о природѣ. Тотъ же писатель выражаетъ удивленіе по поводу того, что поэты Августовскаго времени, кромѣ Овидія, не обмолвились ни однимъ словомъ о своемъ предшественникѣ. Martha приписываетъ это зависти. Легко возможно и то, что поэма о природѣ, оскорблявшая національную религію, была подѣ известнымъ запретомъ, такъ какъ литературныя гоненія практиковались уже тогда, какъ видно на примѣрѣ Овидія.

Вотъ въ какомъ тускломъ видѣ сохранила исторія внѣшній обликъ великаго поэта; зато нравственный обликъ, выступающій въ его твореніи, вырастаетъ на фонѣ того суроваго времени въ одинокую, могучую фигуру борца за просвѣщеніе, за высокую идею гуманности, за счастье человѣчества. Дидактическая поэма „О Природѣ вещей“ возстановляетъ Эпикурову физику и отчасти канонику (въ четвертой книгѣ). Что касается этики, то ей не отведено отдѣльнаго мѣста; она разсыяна по всему произведенію, какъ главная его цѣль и выступаетъ эпизодически тамъ, гдѣ поэтъ считаетъ возможнымъ связать ее съ общимъ ученіемъ Эпикура. Гордое и прекрасное вступленіе въ четвертую книгу ясно показываетъ, что поэма рассчитана на широкій кругъ читателей, а не обращена только къ одному Меммію. Очень доказательно объ этомъ высказывался I. Bruns (въ *Lucretz-Studien. Freiburg und Tübingen 1884*). Выборъ такого необыкновеннаго сюжета объясняется двойственностью натуры автора. Прежде всего Лукрецій—настоящій, природный поэтъ, одаренный чрезвычайно продуктивнымъ воображеніемъ и исключительною способностью облекать самое отвлеченное представленіе въ ясный и конкретный образъ. Профессоръ Модестовъ находитъ, что въ смыслѣ глубины и проникновенности вдохновенія Лукрецій не только не имѣетъ соперниковъ среди римскихъ поэтовъ, но вообще во всей міровой литературѣ можетъ сравниться развѣ только съ Байрономъ и отчасти Лермонтовымъ. Но авторъ поэмы о природѣ не только поэтъ, но и мыслитель. Его фантазія, какъ переполнен-

ная рѣка стремится покинуть русло чистой поэзіи, стремится разлиться въ ширину и обнять весь міръ. Поэзія въ началѣ перваго вѣка до Р. X. переживала періодъ широкаго любительства. Стихи сочинялъ всякій, кто только умѣлъ писать, начиная съ Гортензія, Цезаря и Цицерона, кончая рабами и вольноотпущенниками. Развелось великое множество поэтовъ, подражавшихъ греческимъ образцамъ, и сочинявшихъ идилліи, эпиграммы, эклоги и всякаго рода антологическія стихотворенія, содержаніемъ которыхъ кромѣ міѳологіи были мелкіе факты жизни, любовныя приключенія, модныя сплетни и сатиры, направленные противъ событій и героевъ дня. Эти пустяки находили себѣ иногда красивую форму, а лирическія настроенія Катулла достигали высшаго художественнаго выраженія \*). Такія рамки были слишкомъ узки для автора поэмы о природѣ. Увлеченный личностью Эпикура и непоколебимо убѣжденный въ истинѣ его ученія Лукрецій беретъ это ученіе какъ средство для выраженія всѣхъ сторонъ своего творческаго генія и проявляетъ себя, какъ пѣвецъ природы, представляющій въ яркихъ образахъ красоту мірозданія, какъ философъ, толкующій незыблемые законы бытія, какъ моралистъ, указующій настоящую цѣль жизни и, наконецъ, какъ поэтъ-гражданинъ, скорбящій о недугующемъ челоѳчествѣ и открывающій вѣрный путь къ спасенію. Между учеными возникъ и до сихъ поръ не рѣшенъ споръ о томъ: передаетъ ли поэма о природѣ дословно ученіе Эпикура или же авторъ ея отступаетъ отъ него и вводитъ нѣкія новыя начала. Н. Ritter придерживается послѣдняго мнѣнія и доказываетъ, что поэма содержитъ много такого, о чемъ въ Эпикурову эпоху не могло быть и рѣчи. Нельзя, однако, не согласиться съ доводами извѣстнаго историка Целлера (*Die Philosophie d. Griechen*. III, S. 498 etc.), что Лукрецій строго придерживается греческой доктрины и передаетъ ее безъ существенныхъ измѣненій. Дѣйствительно, Лукрецію, какъ настоящему эпикурейцу, должна быть присуща консервативность этого ученія, и развѣ только въ пятой и шестой книгахъ необузданная фантазія увлекаетъ его къ ничтожнымъ, несущественнымъ отступленіямъ. Не вдаваясь въ детали этого спора, едва ли разрѣшимаго за полной почти утратой подлинныхъ сочиненій Эпикура, нельзя однако же не отмѣтить разницы между греческимъ философомъ и римскимъ поэтомъ,

---

\*) Состояніе поэзіи въ это время хорошо обрисовано помимо общеизвѣстнаго сочиненія Teuffel. (*Gesch. d. Römish; Litteratur*) 1872. въ живыхъ, увлекательныхъ лекціяхъ Patin: *Etudes sur la poésie latine*. Paris 1900. v. I, 47 etc.